

Фуко М. Лекция от 17 марта 1976 г. // Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005 [Foucault M. Lekcija ot 17 marta 1976 g. // Nuzhno zashhishhat' obshhestvo: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2005].

Чудова С. И. Репродуктивное поведение как объект социологического исследования: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Барнаул: [б. н.], 2000 [Chudova, S. I. Reproduktivnoe povedenie kak ob#ekt sociologicheskogo issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Barnaul: [b.n.], 2000].

Assisted reproductive technologies in the context of social inequality

ELENA S. BOGOMIAGKOVA

Senior lecturer Faculty of Sociology,
St Petersburg State University
St Petersburg, Russia;
e-mail: e.bogomyakova@spbu.ru

The article is devoted to consideration of assisted reproductive technologies (ART) in the context of social inequality. The concept by Ternborn G. distinguishing the vital, existential and resource inequalities is used as the analytical apparatus. Using and distribution of ART do not simply reflect the existing structure of the socio-economic differentiation, but produce new configurations of inequality both globally and within countries, particularly in the area of reproductive rights and reproductive health. Access to ART depends on social status, gender, economic status, religious beliefs and national characteristics for different social groups. Biopolitics implemented by the state also enhances the traditional kinds of social inequality and contributes to formation of new ones.

Keywords: assisted reproductive technologies, social inequality, G. Ternborn, kinds of social inequality, biopolitics, M. Foucault, feminist studies.

ТИМОФЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ДЕМИН

магистрант факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: t-demin@inbox.ru

«Сети» и «потoki» в социологической теории

Социологическое теоретизирование опосредовано метафорами. Некоторые из метафор становятся базовыми для социальных теорий. Среди базовых метафор в современной социологии наиболее заметными стали «сеть» и «поток». В статье рассматривается положение этих концептов в акторно-сетевой теории и в условно обобщаемом направлении «теории потока». Намечаются, возможно, продуктивные пути теоретизирования на основании этих метафор.

Ключевые слова: метафоры в социологии, концептуализация метафоры, акторно-сетевая теория, сеть, плазма, поток.

Метафоры лежат в основании человеческого мышления. Они опосредуют понятийную систему, язык, продукты мышления и действия человека. Их главная функция — «обеспечивать частичное понимание одного вида опыта на основе другого вида опыта» (Лакофф, Джонсон, 2004: 182). Социология, как и любая другая форма деятельности, связанная с мышлением, в своих основаниях метафорична. В научной деятельности метафоры отличаются по своей продуктивности. Они могут оказаться или результативными и хорошими, или неудачными и плохими для использования (Урри, 2012: 38). В своих поисках социальная наука прибегает к помощи метафор, которые становятся базовыми для создающихся теорий. Во времена становления социологии утверждалось, что общество подобно организму. В «основаниях социологии» Герберт Спенсер описывает удивительные аналогии организмов и общественных структур (Spencer, 1893). Другой пример: в рамках методологического индивидуализма получили распространение концепции, у которых *обмен* стал базовой метафорой (Nomans, 1961; Blau, 1964).

«Поток» и «сеть» — наиболее заметные метафоры социологической теории последних лет (Иванов, 2010). В отличие от Макдональдса или мотеля такие метафоры универсальны в своей применимости¹. Они позволяют описывать не только новейшие тенденции социального мира, которые можно обозначить как тренды, но и находить более универсальные основания и обнаруживать собственную метафизику. Общество не просто со временем становится все более сетевым и связанным сложными цепочками взаимодействий, но само общество — это продукт определенной работы сетей или ассоциаций. Весь мир пронизан ассоциациями, и акторы (любые действующие силы) могут проявлять себя в мире только через участие в пространстве сетей. Пиратский фрегат сможет плыть из Тортуги на рейд, если вокруг него образуется сложная сеть отношений из команды, пушек, морских карт, компасов и пресной воды. Таким образом, мы не только показываем, как важно изучать сети, но и утверждаем, что это содержание метафизики нашего мира, его основание. Это достаточно радикальный взгляд, за которым может следовать пересмотр очень многих положений. Являются ли материальные объекты частью таких сетей? Как определяется при таком подходе понятие социального? С помощью каких методов нам изучать сети, и что тогда изучает остальная социология?

В ситуации с метафорой потока возникает схожий перечень вопросов². Как изучать потоки социологии? Текучесть — это способ показать, как ускоряются изменения в социальном мире, или же это изначальное и неизменное состояние мира со своей метафизикой? Возможно, стабильных объектов не существует, а мир состоит из изменчивых и текучих сущностей, каждая из которых наделена собственной темпоральностью (отношения у орангутангов в стае более «текучи», чем такой объект как мост)? Как совместить текучий мир с сетями и вообще, стоит ли это делать? Приведенный список вопросов более чем скромнен, и может быть многократно расширен. Его назначение состоит в том, чтобы обозначить собственное поле

¹ Здесь имеется в виду теория макдональдизации Джорджа Ритцера. Согласно этой теории, принципы работы Макдональдса становятся универсальными и распространяются в экономике и социальном мире (Ритцер, 2011).

² Идея потока впервые была предложена в “Regions, Networks and Fluids: Anemia and Social Topology” (Mol & Law, 1994).

исследования и вместе с тем подогреть в читателе желание задать схожие вопросы себе. В меру сил мы попытаемся затронуть обозначенные выше вопросы.

Акторно-сетевая теория

Перед тем как перейти к рассмотрению метафоры «сеть» в социологии, оговоримся, что мы не ставим перед собой задачу сделать исчерпывающий экскурс в историю этой метафоры в социологической теории, а ограничимся лишь рамками акторно-сетевой теории (далее АСТ). Такой ход продиктован, во-первых, нежеланием расплыться на многочисленные, но или неинтересные, или неактуальные подходы. Мы признаем, что оба критерия слишком субъективны и легко сводятся к вкусам социолога. Наверное, так и произошло в нашем случае. Во-вторых, существует принципиальная разница между сетями АСТ и концептуализацией этой метафоры в таких интересных направлениях, как агентностный фундаментализм (Coleman, 1990) или теория сетевого общества Кастельса (Кастельс, 2000). Это *разные* способы понимания того, что такое «сеть», с совершенно разными способами концептуализации. Это означает, что сделанные нами выводы применительно к АСТ не будут справедливы по отношению к названным теориям.

Акторно-сетевая теория — одно из самых интересных явлений в социальной науке нашего времени. Она возникла в STS в последнем десятилетии XX века и продолжает оставаться одним из заметных полей для полемики в социологии³. Кто-то не признает АСТ вообще за полноценную социологию, кто-то воспринимает ее в статусе одного из многочисленных инструментов социологического репертуара, наравне с феноменологической социологией, символическим интеракционизмом, мир-системным анализом или критической теорией. Последние считают, что социолог, приступая к исследованию, всякий раз, подобно опытному мастеру, подбирает подходящий органон из своего хранилища теорий. Социологи АСТ с таким положением не соглашались. Для создателей АСТ — Б. Латура, М. Калона и Дж. Ло — АСТ не прибавка к ассортименту, а будущее социологической теории, то, что должно стать ее ядром.

Что же так не устраивает Латура и его единомышленников в существовавшей до них социологической теории, что нужно было делать «научную революцию»? Для Латура есть две социологии. Старая, ритуальная социология (наследие Дюркгейма, Вебера и др.), занималась тем, что искала загадочное социальное. В условиях долгосрочной дифференциации наук, другие гуманитарные дисциплины, такие как экономика или археология, забирали часть предмета «науки об обществе». Предмет социологии сужался. Социальное — это тот небольшой кусок, который достался социологам после деления между дисциплинами большого пирога «общество». С помощью этой силы социологи объясняют все многообразие нашего мира. Латур иронично окрестил эту социологию «социологией социального». Люди выполняют ритуал или происходит революция — все это сила социального, которая проникает во все поры бытия и стоит за всеми институтами и многими действиями,

³ STS расшифровывается либо как *исследования науки и технологий*, либо как *наука, техника и общество*. Подробнее этот вопрос раскрыт в предисловии к «Науке в действии» О. Хардиним (Латур, 2013: 7–8).

и невидимым образом воздействует на нас. Как можно объяснять через этот скромный остаток, доставшийся после деления наук, связь безработицы и преступности, поведение потребителя и падение империй? Вместо этого АСТ предлагает нам «сменить стандартную настройку» и перестать «рыскать по кустам в поисках социальных объяснений» (Латур, 2014: 325). При любой попытке отказаться от объяснения через социальное, мы лишь доказываем для социологов социального, что причина нашего отказа социальна. Отсюда возникает ряд принципов АСТ. Теоретики АСТ ищут «какие новые институции, процедуры и концепты могут собрать и пересобрать социальное». Через одно лишь социальное нельзя объяснить наш сложный мир. Нечеловеки «должны быть актерами, а не просто жалкими носителями символической проекции» (Латур, 2014: 23–24). Стоит позволить понятиям актеров доминировать над понятиями исследователей. Отказаться от идеи, что пресыщенный разнообразием язык актеров можно перевести в скудный тезаурус социологического языка. Как правило, уместно придерживаться установки, согласно которой исследователь всегда отстает в своем уровне рефлексии от исследуемых (Латур, 2014: 50).

Перед тем как приступить к описанию проекта новой социологии, оговоримся: несмотря на едкую критику, Латур отдает должное достижениям социологии социального. Наряду с этим он утверждает, что, несмотря на внесенный ею вклад, пришла пора сменить парадигму. В оппозиции к социологии социального Латур предлагает новую парадигму, которую он именует социологией ассоциаций. Вместо того чтобы довольствоваться теми остатками от общества, которые достались нам как социологам социального, Латур предлагает резко расширить рамки науки, вводя в предмет исследования всех возможных участников. Любой действующий участник называется актер. Им может быть депутат, персонаж книги, бактерия или эклер. Важно отметить, что актер не является единственным источником действия, а скорее «побуждается к действию множеством других» (Латур, 2014: 68)⁴. Если участник лишен фигурации, то используется термин актант⁵. То, что вещи опосредуют социальные действия и сами участвуют во взаимодействиях стало визитной карточкой АСТ. Человек больше не единственный герой социологии, его права с вещью уравниваются. Это называется принципом генерализованной симметрии (Callon, 1986: 4). Разделение на природу и общество — это целенаправленная деятельность очищения (Латур, 2006: 71), когда из одних объектов убирается их связь с людьми, а у других — с природой. Стремительно растет число гибридов — тех, кто не уместается в одном из лагерей, и для поддержания разделения на природу и общество приходится их скрывать. Латур предлагает отказаться от дихотомии природы и человека, ввести принцип симметрии, быть готовым учесть любую действующую силу. Для того чтобы любое влияние было возможным, актер должен образовать связь, ассоциацию с тем, на что он собирается повлиять. Так молоток бьет по гвоздю, а лежащий полицейский тор-

⁴ Вводя вещи в социальное, Латур предлагает отталкиваться в своих построениях не от идеи действия, а «взять за отправную точку опосредование» (Латур, 2007: 90). Подробнее об отношениях классической теории социального действия и АСТ см.: Акторно-сетевая теория и проблема социального действия (Ерофеева, 2015). Правда, автор статьи обходит стороной обозначенный нами элемент критики Латуром теории социального действия.

⁵ Термин «актант» был позаимствован Латуром из семиотики Греймаса. См.: *Semiotics and Language: An Analytical Dictionary* (Greimas, Courtes, 1982).

мозит водителя. Чтобы совершить такое простое действие, как вбивание гвоздя, нам нужно призвать союзника — молоток. Получается элементарная цепь ассоциаций (связей): человек — молоток — гвоздь. На деле, конечно, участвующих сил гораздо больше: есть мастерская, в которой один молоток конкурирует с другим за возможность вбивать гвозди, есть доска, в которую вбивается гвоздь, есть проект здания, частью которого является доска. А какой ворох сил стоит за проектом строящегося здания даже трудно представить! Таким образом, ассоциации выстраиваются в сложную сеть отношений. Акторы, действующие в сетях, могут переносить силу или значение, не преобразая их. В таких случаях мы имеем дело с проводниками. Если, зная содержание того, что будет на входе у средства, создающего социальное, нельзя предвидеть что будет у него на выходе, тогда мы имеем дело с посредником. Посредник изменяет передаваемые через него значения и элементы (Латур, 2014: 58). В АСТ возрастает количество посредников, которые становятся гарантией конкретности и объективности исследования. Перевод в АСТ — это связь, «переносящая» трансформации. Сеть — это прослеживаемые следы переводов в исследованиях; это «связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник». Сеть имеет четыре важных характеристики. Она устанавливает связь между объектами, которые выявляются физически и, следовательно, эмпирически. Оставляет за скобками все, что не связано. Сеть требует вкладываемых в нее усилий. Это не субстанция или вещь, это понятие, след, который оставляют действующие агенты. Сеть является показателем качества исследования. Она показывает сети акторов, способных «делать неожиданные вещи» и выявляет «множество отношений, определяемое как множество переводов» (Латур, 2014: 181).

Для Латура сеть как метафорическое понятие хороша еще и тем, что интуитивно, в пространственных реалиях, занимает незначительное место. А что находится вне сетей и занимает куда больше места в нашем мире? Бессвязные объекты или «неструктурированный бульон постмодерна»? Для решения этого вопроса Латур вводит термин «плазма» — «то, что еще не отформатировано, еще не измерено, еще не социализировано, еще не включено в метрологические цепи, еще не покрыто, не обследовано, не мобилизовано или не субъективировано». «Оно не скрыто, оно просто неизвестно» (Латур, 2014: 336). Нам стоит «придерживаться нового понимания социального как потока, доступного наблюдению *только* в процессе создания новых ассоциаций» (Латур, 2014: 112). Плазма, текучесть, изменчивость — это понимание социального, которое еще не раскрыто и не покрыто сетями. Основание и среда для социальных структур текуча и изменчива (Латур, 2014: 338). Таким образом, в «океане неопределенности» социального возникают такие острова стабильности, как структуры, системы, группы, классы. Отсюда становится понятным, что инструментарий АСТ не предполагает возможностей для изучения потока, фокус его исследования — работа по конструированию ассоциаций.

Другой основатель АСТ — ланкастерский социальный теоретик Дж. Ло — предлагает несколько иной подход к интересующим нас теоретическим вопросам. Для парижских основателей АСТ, Латура и Каллона, «сеть» — это связанные ассоциации между посредниками. Ло распространяет на сеть «релятивистскую логику рассуждений», где объекты — результат самих сетей (Ло, 2006: 30). Они сохраняют свою целостность, пока отношения, в которых они участвуют, устойчивы. Объект стабилен благодаря сетям, в которые он включен (Ло, 2006: 34). Если корабль останется

без команды или обшивки, то его ждет лишение собственной объектности. Чтобы объект стал «полноценным», необходимо создать отношения, которые: 1) отделят объект здесь-внутри, то что в нем присутствует (корабль со всем необходимым), 2) то что отсутствует, но это отсутствие явлено с объектом (недостроенный корабль на верфи отличен от корабля в гавани), 3) «инаковость», присутствие которой нам не явлено (опасность цинги, алкоголизм одного из плотников, строящих корабль; любые контексты, которые оказались несущественными или спрятанными). Создание присутствия, явленного отсутствия и «инаковости», которые учреждают объект, Ло назвал «метод-сборкой» (Ло, 2015: 176).

Другое дополнение ланкастерского теоретика заключается в добавлении топологической метафоры и особом акценте на множественности пространств (Вахштайн, 2006: 27). Сеть существует в топологической «форме пространственности» и трансформация сетей отношений влечет изменение форм пространственностей. Объекты и пространства создаются вместе (Ло, 2006: 35) и таким образом оказываются топологически взаимосвязанными. Используя это решение, Ло раскрывает латуровский термин «неизменные мобильности» через два пространства: для того чтобы корабль был неизменен, необходимо, чтобы сеть, в которую включен корабль, сохраняла свою устойчивость, и это позволит кораблю быть мобильным, то есть перемещаться в физическом, евклидовом пространстве. Форм пространственностей может быть столько же, сколько существует отношений (Latour, 1997: 174). Нас здесь интересуют две: сети и потоки. Объект, находясь в сети отношений, сохраняет себя до тех пор, пока его «ядро устойчивых отношений» неизменно. Совсем иначе обстоят дела в «пространстве потоков», где постоянные разрывы и трансформации отношений — способ существования объекта. Если объект постоянно изменяется, теряет свою форму в сетевом пространстве, о нем следует мыслить в пространстве потоков. Примером такого объекта является втулочный насос, распространяемый правительством Зимбабве (de Laet and Mol, 2000). Границы насоса трудно определимы (в зависимости от описания в его состав могут включаться разные элементы от гидравлической системы до скважины и местных сообществ). Обеспечение его работы контролируется разными типами групп людей, существуют самые разные конфигурации составных элементов насоса. Так, кожаная изоляция может заменяться старой крышкой. При этом добываемая насосом вода практически всегда оказывается чистой. Де Лэт и Мол приходят к выводу, что высокая эффективность втулочного насоса кроется в текучести его формы: в каждой ситуации выстраивается своя оптимальная сборка.

Из этого примера проводится важное для нас различие между подходом к потокам у Кастельса (Кастельс, 2000) и в АСТ. Факт перемещения в евклидовом пространстве не имеет непосредственной связи с текучим пространством (Ло, 2006: 39), поэтому всевозможные потоки денег, мигрантов, мусора и информации во многом относятся к пространству сетей.

Остается неосвещенным еще один вопрос: как пересекаются пространства сетей и потоков? Текучие объекты могут принимать сетевую форму: втулочный насос при всех изменениях сохраняет «устойчивое ядро отношений». Сетевые объекты, в свою очередь, зависят от пространства потоков, которое подобно дополнительно-прошиванию измерению прошивает собой сетевое пространство.

Теории «потока»

С возникновением Интернета, новых медиа, ускорением обмена информацией, нарастанием экономической мобильности и возможностей глобального капитала модели общественных систем перестают работать (Урри, 2012: 32). Условность многих границ, ослабление сообществ и власти национальных государств, непредсказуемость экономики, мгновенное устаревание товаров, быстро обновляющийся контент медиа, непредсказуемые последствия технологических инноваций, рост рисков актуализировали способ описания реальности как чего-то непредсказуемого, гибкого, нестабильного, меняющегося, неясного.

В этих обстоятельствах возникает интересное направление в социальной теории, которое можно условно обозначить как «теории потока». Этот условный лагерь представлен в том числе такими крупными социологами, как З. Бауман (Бауман, 2008), К. Кнопп Цетина (Knopp Cetina, Preda, 2007), А. Аппадурай (Appadurai, 1996), Дж. Урри (Урри, 2012) и Р. Сеннет (Сеннет, 2004). Известные социальным наукам концептуальные средства описания реальности не «схватывают» тех трансформаций, которые составляют содержание современности. Для этого социологии требуются такие средства, с помощью которых можно «вскрыть» явления, не поддающиеся традиционным теоретическим инструментам. Теоретики предлагают набор близких по структуре метафор: поток, гибкость, жидкость (текучесть), мобильности или плазма — в общем, решают сходные задачи.

Под «теории потока» попадают и более узконаправленные, специфические по своей области применения метафоры. К ним можно отнести метафору отеля (Morris, 1988), метафоруномада, кочевника новой эпохи (Deleuze and Guattari, 1986). В противовесномадам, Бауман предлагает классификацию из метафор фланера, бродяги, туриста и игрока (Бауман, 1995). Среди метафор, выдвигаемых в современной отечественной социологии, можно отметить метафору гламура как определяющего тренда современного капитализма. Среда гламура с изменчивыми вкусами его потребителей, быстротекущей логикой реализации продукта, наделенного сильным образом, который должен быть куплен и тут же заменен на более новый, опосредует крупнейшие секторы экономики, пускает свои корни в науке, образовании и производит важные трансформации в социальном мире (Иванов, 2008). Далее мы сосредоточимся на раскрытии широких по области применения метафорах, выводы в отношении которых будут отчасти справедливы и для менее универсальных понятий, о которых мы упомянули выше.

Изначально определения потоков сосредоточивались на пространственных особенностях (Иванов, 2010: 53), что сильно разнится с идеями АСТ. Так, для Аппадурай потоки — это глобальное движение людей, денег, идей, образов и машинерии, через границы воображаемых сообществ (Appadurai, 1996: 33–37). Сходным образом через движение людей, образов, информации, денег и отходов как внутри, так и через границы национальных государств, определяет потоки Урри (Урри, 2012: 57). По Кастельсу, потоки — это «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями» (Кастельс, 2000: 110). Пространственному способу концептуализации потока можно противопоставить подход, при котором изменчивость и гибкость исследуемых процессов оказывается в центре внимания исследователя.

Данный подход представлен, например, Бауманом. Раскрывая достоинства метафоры текучести, он пишет: жидкости, в отличие от твердых тел, не сохраняют форму, «не фиксируют пространство и не связывают время», в определенном смысле для жидкостей параметр времени важнее, чем параметр пространства (у твердых тел все наоборот). Далее, он указывает, что жидкости легко меняют свое положение в пространстве и вообще «их нелегко остановить»; они связаны с идеей «легкости», во всяком случае, мы склонны их так воспринимать (Бауман, 2008: 8). Ниже, мы продемонстрируем возможности данного способа концептуализации метафоры на примере пространства, работы, изменения ценностей и человеческих отношений.

Текущая современность. Множащиеся и противоречащие друг другу модели взаимодействия, конфигурации и нормы теряют силу своих предписаний. Они не могут долго удерживать свою форму и в своем «разжиженном» состоянии требуют много усилий для их поддержания (Бауман, 2008: 14). Подчинение нормам все чаще осуществляется не через принуждение внешней силой, а с помощью соблазна, подаваемого под соусом из свободного выбора (Бауман, 2008: 94).

Существование и жизнеспособность институций «твердой современности», таких как сообщество, семья, централизованные и иерархичные экономические структуры или национальные государства, зависит от надежных и долгосрочных отношений. Силы «легкой современности» берут свое могущество из независимости от конкретных отношений: как только связи становятся обременительными, куда разумнее от них избавиться, чем вкладывать усилия на их поддержание. Можно сказать, мы наблюдаем трансформацию, содержание которой можно метафорически обозначить как «разжижение».

Работа. С развитием технологий возможности преодоления пространства постоянно росли. Сегодня, благодаря новым коммуникативным технологиям, мы можем мгновенно связываться с людьми, преодолевая расстояние в тысячи километров. Возможности физического перемещения также неуклонно увеличиваются. Теряют былое значение пространственные отношения «далеко» и «близко». Сама «ценность» пространства начинает подвергаться инфляции: если пространство так легко преодолимо, то в чем состоит привлекательность зависимости от конкретного места? Ваши возможности выше, если вы не связаны долгосрочными обязательствами, которые в любой момент могут стать обременительными. Так, отношения работодателей с рабочими начинают тяготеть к краткосрочности, так же, как и логика инвестиций: быстрое вложение, быстрая отдача. Девиз людей, которые хотят выжить и преуспеть в текучей современности, уместается в формулу «быть гибким». Мобильность человека становится залогом его «прогрессивности». Возникает целый класс состоятельных людей, образ жизни которых предполагает постоянное передвижение этих «новых кочевников» и их капиталов (Bauman, 1993)⁶. Положение рабочих при этом усложняется. М. Кастельс (Кастельс, 2000: гл. 7) предположил, что ритмичность (социальная и биологическая), которую задавала, прежде всего, работа, как главный элемент в организации повседневности, будет постепенно ис-

⁶ Образцовым примером новой экстерриториальной элиты для Ричарда Сеннета является Билл Гейтс. Среди его «правил жизни» нам кажутся особенно симптоматичными следующие: не развивать привязанности и не цепляться за что-либо; быть терпимым к фрагментации; готовность разрушить то, что было сделано, с учетом требований конкретного момента (Сеннет, 2004).

чезать. Непредсказуемые и изменчивые экономические условия будут все больше требовать готовности к недолговременным, непредсказуемым условиям труда. И это требует от человека гибкости: готовности не работать продолжительные периоды, очень короткие или, наоборот, продолжительные рабочие дни; готовность выйти на работу в любой момент. Раньше, устраиваясь работать в компанию «Форд» или «Рено», рабочий мог быть уверен в том, что там он и закончит свою работу. Устраиваясь в Microsoft, вы никогда не сможете уверенно сказать, где окажется ваше место работы через десять лет (Cohen, 1997: 84).

Пространство. Мы уже говорили о том, как меняется отношение к пространству. Теперь мы покажем, какие новые виды пространств возникают в нашей урбанизированной культуре. Особое значение в городском пространстве занимают «храмы» новой эпохи — места потребления⁷. Торговые центры и другие «храмы потребления» дают иное ощущение проживания через противопоставление образа жизни, который демонстрируют «храмы потребления», повседневной жизни. Повседневность сталкивается с недостижимостью этого нового способа проживания. В результате человек, как правило, стремится попасть в «храм», где его наполняет ощущение «свободного выбора», благодаря огромному ассортименту товаров и услуг, и это создает богатую палитру чувственных впечатлений. Более того, проживание в «храме» безопасно. Такого сочетания «свободы» и безопасности реальность снаружи предоставить не в силах. И наконец, «храмы» дают ощущение мнимой солидарности с общностью (Бауман, 2008:108–109).

Таким образом, попадая в «храм потребления» человек оказывается в ином модусе проживания жизни. Пространства потребления применяют стратегию «пожирания», перерабатывая попадающих туда людей, тогда как разнообразные «запрещающие пространства» (например, места в которые можно попасть по пропускам или иным средствам доступа) — стратегию исключения. Однако есть третий тип пространства, получающий в текущем мире все большее распространение — «неместо» (Auge, 1995). «Неместо» — пространство, предполагающее неизбежное наличие незнакомцев, «лишенное символических выражений идентичности и истории» (Бауман, 2008: 112). Нахождение в нем предполагает отсутствие активной социальной деятельности, такой как общение. К «неместам» относятся вокзалы, аэропорты, метро, автострады, часть гостиничного сектора, общественный транспорт, супермаркеты и т.п. Новая организация пространства свидетельствует о снижении значения умения вести диалог с незнакомцем. Стратегии уклонения и бегства должны становиться более предпочтительными.

Жизнь и смерть. Через призму ослабления институтов «тяжелой современности» Бауман раскрывает изменение ценности жизни. Факт ограниченности жизни вынуждает искать способы наполнить жизнь ценностью. Таким средством может быть только вечная длительность. Культура поставляет для соединения мимолетной жизни с вечностью разнообразные «мосты». Опуская подробности, скажем: мосты, говорящие о жизни после смерти, в эпоху модерна потерпели крушение. Еще один тип индивидуальных мостов, в виде памяти потомков, такой как слава, был всегда пригоден лишь для избранного меньшинства. Однако есть второй тип мостов — коллективные. Возможность преодолеть смерть коллективно, через внесение части

⁷ Остроумная идея окрестить места потребления храмами в социальной теории принадлежит Джорджу Ритцеру (Ritzer, 2005).

себя во что-то большее и в перспективе вечное. Нация и семья выделяются в перечне кандидатов на эту роль (Бауман, 2002: 306). Однако сегодня государства теряют свою силу и вынуждены приспосабливаться под запросы глобального капитала. Их стабильность и даже само существование не кажутся несомненными. Вера в государство и в возможность сохранить свой «след» через нацию иссякают. Долговечность семьи была несопоставимо больше жизни человека и могла показаться неподвластной смерти. Возможность смены нескольких семей за жизнь у одного человека, невероятно высокая статистика разводов, ослабление идентичности рода, разрушили веру в обретение бессмертия через семью. Кажется, что самой долгоживущей инстанцией становится человеческое тело. Забота о теле, широчайшая распространенность дискурса «здоровья» черпает силы из вышеописанного перераспределения ценностей, когда семья, сообщество и государство уже не подходят для продления собственного бытия-в-мире (Бауман, 2002: 313).

Индивидуализация. Процесс разрушения внешних связей оставляет человека одного. Теперь он сам по себе. Ценности индивидуализации если не оправдывают это положение, то предлагают взять всю ответственность на себя. Может ли человек, живущий в мире, базовые свойства которого — непредсказуемость и неуправляемость, нести эту ответственность? Может ли он быть свободным? Это парадокс индивида, который эмансипирован как никогда ранее, но при этом не способен повлиять на изменчивые обстоятельства своей собственной жизни. Доведенная до предела неуправляемость жизнью, сумасшедшая текучесть идентификаций, связей и отношений может обрисовать образ новых антиутопий, пожалуй, более злободневных, чем страхи, описанные Оруэллом и Хаксли.

Из нашего изложения можно сделать вывод о том, что границы применения «теорий потока» ограничены такими объектами исследований, которые демонстрируют неустойчивость, мобильность, гибкость, непредсказуемость и изменчивость. Пригодность же таких теорий к объяснению устойчивых структур остается неясной. В тех случаях, когда мы задействуем инструменты теорий потока, нам удобно показывать потенциальную неустойчивость некой структуры, возможности ее пересборки. Однако теории потока не подразумевают, что объекты, связи или люди имеют исходные, предположительно наличествующие характеристики. АСТ предполагает, что акторы способны выстраивать ассоциации, что без ассоциаций невозможны изменения, что все наблюдаемые нами сложные образования, вроде групп, корпораций, кораблей, государств, школ или субкультур — результат сборок различных связей между большим количеством посредников и проводников. Теории потока могут стать интересны тем, что в своей потенции способны предложить такие основания. Например, АСТ имеет объектно-ориентированную онтологию (Hagman, 2007: 151), это означает, что мир *изначально* состоит из объектов (или того, что мы будем впоследствии называть объектами), которые выстраивают друг с другом взаимодействие. «Теория потока» могла бы показать, что объектов на самом деле нет, что есть только процессы, растянутые в разных темпоральных измерениях: камень как процесс, возможно, существует в иных временных правилах и изменяется с другой скоростью, чем столкновение велосипедистов. У такой метафизики обнаруживался бы явный интерес к подобному пониманию мира в философии. На ум сразу приходит гераклитовское «*Πάντα ῥεῖ*» («все течет» или «все движется»). Наша позиция состоит в том, что такой вариант развития событий способен значительно обогатить и усилить «теории потока».

Заключение

Успешное развитие «теорий потока» связано с новыми социальными трансформациями, тогда как достижения акторно-сетевой теории могут применяться независимо от состояния предмета изучения. Так, «теории потока» не предполагают продуктивного применения к устойчивым и консервативным структурам, тогда как АСТ — универсальный инструмент изучения социального.

Латур в «Пересборке социального» замечает, что метафора «поток» лучше, чем метафора «сеть», позволяет раскрывать «циркуляцию и текучую природу того, что перемещается» (Латур, 2014: 93). Возникает позиция, исходя из которой сети по своим метафорическим качествам хорошо подходят для раскрытия устойчивых и хорошо прослеживаемых сборок социального. Если же мы имеем дело с гибкими и мобильными сущностями, следует работать с концептуализированными средствами теорий потока (Иванов, 2010: 58). АСТ уверенно настроена по отношению к изменчивой среде: «сеть» — это не пространственная метафора сложившихся и устоявшихся отношений, а активная работа по постоянной пересборке социального. В связи с этим вопросом Латур пишет о преимуществе термина *worknet* (сеть действия) перед понятием *network* (действующая сеть). *Worknet* позволяет подчеркнуть работу, движение и изменение (Латур, 2014: 200). Исследования в стиле АСТ не предполагают использования в социологии «несетевого» подхода: даже в самых текучих и нестабильных пространствах могут обнаруживаться связи, и если мы не можем следовать по ним, включая по ходу исследования в текст многочисленных акторов, то объективное социологическое исследование с точки зрения АСТ невозможно в принципе. Такое исследование будет носить беспредметный, размытый и неконкретный характер или скатится на уровень социологии социального.

Наша статья начиналась с раскрытия идеи когнитивной теории метафоры, согласно которой метафоры лежат в основании нашего мышления и их главная функция — привнесение понимания в то, о чем мы думаем. Это означает, что наш язык описания неизбежно метафоричен. Сам способ описания действительности предполагает возможности использования большого количества метафор. Совмещение «поточных теорий» с АСТ не только возможно, но более того — это очень продуктивное занятие.

Литература

Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154. [Bauman Z. Ot palomnika k turistu // Sociologicheskij zhurnal. 1995. № 4. S. 133–154].

Бауман З. Индивидуализированное общество / Центр исслед. постиндустр. о-ва // Свободная мысль. М.: Логос, 2002 [Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo / Centr issled. postindustr. o-va // Svobodnaya my'sl'. M.: Logos, 2002].

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с. [Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. SPb.: Piter, 2008. 240 s.].

Вахштайн В. С. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1 [Vaxshstajn V. S. Dzhon Lo: sociologiya mezhdou semiotikoj i topologiej // Sociologicheskoe obozrenie. 2006. T. 5. № 1].

Ерофеева М. А. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. № 1. С. 17–36. [Erofeeva M. A. Aktorno-setevaya teoriya i problema social'nogo dejstviya // Sociologiya vlasti. 2015. № 1. S. 17–36].

Иванов Д. В. Актуальная социология в поисках злых истин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 2, 3 [*Ivanov D. V.* Aktual'naya sociologiya v poiskakh zly'x istin // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2010. № 2, 3].

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ–ВШЭ, 2000. [*Kastel's M.* Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshhestvo i kul'tura / per. s angl. pod nauchn. red. O. I. Shkaratana. M.: GU–VShE', 2000].

Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 296 с. [*Latur B.* Novogo vremeni ne by'lo. E'sse po simmetrichnoj antropologii. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2006. 296 s.].

Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96 [*Latur B.* Ob interob'ektivnosti // Sociologicheskoe obozrenie. 2007. T. 6. № 2. S. 79–96].

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с. [*Latur B.* Peresborka social'nogo: vvedenie v aktornosetevuyu teoriyu. M.: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki, 2014. 384 s.].

Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42 [*Lo Dzsh.*] Ob'yekty i prostranstva // Sotsiologicheskoye obozreniye. 2006. T. 5. № 1. S. 30–42].

Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015 [*Lo Dzsh.* Posle metoda: besporiyadok i sotsial'naya nauka / per. s angl. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2015].

Ритцер Д. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011. 592 с. [*Ritcer D.* Makdonal'dizatsiya obshhestva 5. M.: Praksis, 2011. 592 s.].

Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2004. 296 с. [*Sennet R.* Korroziya haraktera. Novosibirsk: FSPI «Trendy'», 2004. 296 s.].

Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Высшая школа экономики, 2012. 336 с. [*Urri D.* Sociologiya za predelami obshhestv. Vidy' mobil'nosti dlya XXI stoletiya. M.: Vy'sshaya shkola e'konomiki, 2012. 336 s.].

Хархордин О. Предисловие // Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с. [*Harhordin O.* Predislovie // Latur B. Nauka v dejstvii: sleduya za ucheny'mi i inzhenerami vnutri soobshhestva. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2013. 414 s.].

Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

Auge M. Non-Places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity. London and New York: Verso, 1995.

Bauman Z. Postmodern Ethics. L.: Routledge, 1993.

Daniel C. Richesses du monde, pauvretes des nations, Paris: Flammarion, 1997.

de Laet M. and Mol A. The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology // Social Studies of Science. 2000. Vol. 30. P. 225–263.

Callon M. Some elements of a sociology of translation domestication of the scallops and fishermen of St Brieux Bay // Power, Action and belief: A new Sociology of Knowledge? / ed. by J. Law. L.: Routledge and Kegan Pol, 1986.

Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge (MA), 1990.

Deleuze G., Guattari F. Nomadology. N.Y.: Semiotext(e), 1986.

Greimas A. J. Courtes J. Semiotics and Language an Analytical Dictionary. Bloomington: Indiana U. P., 1982.

Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics, re.press, Melbourne, 2009.

Knorr Cetina K., Preda A. The Temporalization of Financial Markets: From Network to Flow // Theory, Culture & Society. 2007. Vol. 24 (7–8).

Latour B. Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension // Common knowledge. 1997. № 6/3.

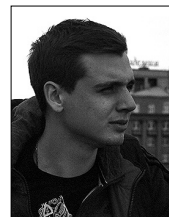
Mol A. & Law J. Regions, Networks and Fluids: Anemia and Social Topology // Social Studies of Science. 1994. Vol. 24. P. 641–671.

Ritzer G. Enchanting a Disenchanted World: Revolutionizing the Means of Consumption, 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2005.

Spencer H. The Principles of Sociology. Vol. 1. L.: Williams & Norgate, 1893.

БОГДАН ВЛАДИМИРОВИЧ ФАУЛЬ

магистрант факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: faulbogdan@gmail.com

Сравнительный анализ научных проектов Б. Латура и Ж.-Ф. Лиотара

Проводится сравнительный анализ научных проектов Б. Латура и Ж.-Ф. Лиотара. Сравняются позиции авторов как по отношению к современному состоянию науки, так и по отношению к ее судьбе. Косвенно затрагиваются вопросы состояния и судеб общества.

Ключевые слова: нарратив, сеть, общество, Новое время, научный проект, генерализованная симметрия, паралогия, постмодерн.

Б. Латур и Ж.-Ф. Лиотар представляют собой чрезвычайно интересных мыслителей, которые трудились на различных смысловых полях, а возможно, даже и в разных эпохах, несмотря на небольшой временной разрыв между ними. Разница смысловых полей заключается не только в различии понятийных аппаратов, но также и в сфере общей исследовательской проблематики. Латура интересуется разработкой новой методологии с минимальным количеством онтологических допущений, Лиотар описывал то, что называется постмодерном. Но у обоих мыслителей все же есть общее поле анализа — наука. Относительно недавно стало очевидно, что наука существует не отдельно от общества и по каким-то другим законам, а включена в него. Теперь, когда можно взглянуть на процесс получения научного знания с точки зрения социологии/философии, ярчайшие мыслители высказывают свои прогнозы или предпочтения о том, как это знание будет функционировать, какова его роль в обществе и какова его структура.

Латур и Лиотар, можно сказать, являются маркерами своих эпох, в связи с чем проведение сравнительного анализа их теорий является делом интересным и актуальным в связи с недостаточно отрефлексированной ролью этих теоретиков в социологическом пространстве России. Люди очень часто чувствуют, что эти мыслители говорят об одном и том же, но по-разному. Мы не считаем это предположение бесосновательным. Пусть такой взгляд на этих мыслителей сопровождает наши размышления, а мы попытаемся эту интуицию более точно очертить, а также обострить различия между ними. Сравнительный анализ будет проходить по следующей схеме: сначала мы сравним мнение мыслителей о текущем состоянии мира и науки, а затем — их научные проекты.